

**Тоталитаризм и
тоталитарное сознание
Выпуск 5**

**Томск
2004**

Информационное общество: социокультурный аспект

Футуристы прошлых столетий, рисуя нам картину нашего сегодняшнего мира, всегда считали, что НТП способен качественно изменить человеческое существование. Как правило, во взглядах футуристов всегда преобладали пессимистические настроения. И почти всегда связано это было с неминуемым столкновением человека и техники, духовного и потребительски рационального. Реальность все очевиднее рисует нам обоснованность некоторых, сделанных культурологами и литераторами выводов.

«Сейчас каждое общество живет нововведениями и ростом, и их основой являются теоретические знания. С прогрессирующим совершенствованием моделирования любых процессов – экономических систем, общественного поведения или вариантов разрешения проблем перед нами впервые открылись возможности широкомасштабных «контролируемых экспериментов» в общественных науках»¹. Белл утверждает, что такое положение вещей приводит к тому, что сейчас люди «пытаются предвидеть изменения, определять их направление и воздействие, брать их под свой контроль и даже вести их к заранее определенным целям»².

Главными источниками власти в новых условиях, согласно ученым, описывающим особенности нового информационного общества (Тоффлер, Кастельс, Маклюэн), являются: возможность моделировать социальные процессы, доступ к специализированному знанию, владение информацией. Задача данной работы – это попытка разобраться в том, в чем специфика универсума существования «человека информа-

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999. С.462.

² Белл Д. Там же. С. 464.

ционного»?

Человек руководствуется определенными правилами, исходя из специфики той культуры, в которой он живет. Она поставляет для него картину, образ мира (так же как и понятия власть, подчинение и т.п.). Макрокосм современной информационно-культурной культуры является доминирующим агентом социализации индивида. Фромм отмечает, что современные дети гораздо раньше своих предшественников начинают проигрывать те или иные социальные роли и виной тому выступают СМИ, каждодневно демонстрирующие своим содержанием яркий калейдоскоп из людей и событий. Постиндустриальная эпоха – эпоха глобализма, соединяющая человечество сетью электронных медиа и превращающая его в «глобальную деревню» М. Маклюэна. В «глобальной деревне» любое событие, только что случившись, со скоростью «света» распространяется между жителями.

Многие теоретики современной коммуникации считают, что главным фактором социализации в современном обществе является понятие инфопотребности. Француз Ла Бозси объясняет данный феномен как «крохи информации, даже подтасованные, доставляющие удовольствие тем, кто получает к ним доступ, ибо последние ощущают себя высшими существами по отношению к ничему не знающим»³.

Налицо – знаниево-информационная социализация, происходящая опосредованно (слово «медиа» означает посредник). Картину так стремительно меняющегося мира современное образование дать способно, но факты все чаще говорят против этой способности. Принимая в расчет ускоренность социальных процессов в современном обществе, мы должны отметить следующее.

Картина мира современного человека все больше строится опосредованно, через медиа. На характер полученного знания в таких условиях влияет источник информации, его специфика. Те, кто сегодня настаивает на распространении компьютерных технологий в слаборазвитых странах, считают, что новые технологии лишь усиливают социальное рас-

³ Дебор Г.-Е. Общество спектакля. М., 2000. С.157.

слоение. И последнее является прямым следствием т.н. «информационного неравенства».

Р. Даль в своей известной работе «Введение в экономическую демократию» утверждает, что политическому равенству угрожает свобода накопления капитала. Капитал современного общества концентрируется, как правило, в информационных технологиях. С точки зрения социализации доступ к информации «открывает двери» в особые классы, которые социализируются, либо читая «Таймс», либо смотря «МТВ». Характеристикой социализации становится цена источника информации. Чем выше его цена, тем надежнее качество потребляемой информации.

С научной точки зрения, интерес представляют дешевые источники информации, которые сами того не желая, выстраивают картину мира для среднестатистического гражданина мира. *Этого оказывается достаточным для того, чтобы гражданин оказался вовлеченным в предлагаемый вариант мироустройства и вел себя соответственно этому варианту.*

Большинство теоретиков массовой коммуникации утверждает, что реальным миром для современного человека является электронный мираж (Бодрийяр, Маклюэн, Лиотар, Лакан, Хоркхаймер, Адорно и др.). Человек не верит очевидному, пока это очевидное не подтвердят медиа-посредники. Об этом в свое время американский ученый Перси Танненбаум сказал точную шутку: «Если в лесу свалилось дерево и телевидение этого не засняло, то возникает вопрос: свалилось ли дерево на самом деле? Если дерево падает в телевизоре, это значит, что оно и в самом деле упало».

Телеспецифичность, а если говорить не по-маклюэновски, то визуальность современной культуры, вполне доказуема. Спросите у любого среднестатистического гражданина мира, на что он потратил свое время, откуда он узнал о недавних событиях, где он взял очередной идеал для подражания – и вы получите единственно верный ответ. Это будет электронное средство общения – ТВ или РС. Пророческими на этот счет звучат слова известного культуролога В.Саппака, написавшего еще в середине 20 века книгу «Телевидение

и мьд»: «Через несколько лет я спрошу: «На что вы убили время?» Наверное, многие будут бойко и не задумываясь отвечать: «Смотрели телепередачи». Сознает ли телевидение, сознаем ли мы сами, какое бремя ответственности ложится на каждого, кто причастен или мог бы быть причастен к этому?»⁴.

В чем состоит специфика визуальной культуры? Визуальность - это прежде всего зрелищный дискурс, который проник во все сферы общественной жизни. «Вживание человека в зрелищную реальность показательно, когда речь заходит о «Dolby Digital» кинозалах»⁵. Ориентация на зрелищность дала повод Дебору назвать современное общество обществом спектакля. Зрелищный дискурс антилогичен, никто не может ему противоречить, спектакль приобретает право противоречить самому себе и исправлять самого себя. «Они (*прим. авт.* - дискурсы спектакля) сурово исправляют поведение и недолжные интерпретации, приписываемые ими публике, тогда как накануне они сами с обычной убежденностью как раз и старались распространить это убеждение»⁶.

Такой спектакль не имеет диалога, его можно только созерцать: «...переживаемая действительность материально заполняется созерцанием спектакля и в себе самой воспроизводит зрительный порядок, придавая ему позитивное обоснование»⁷. Односторонний диалог превращает спектакль в инструмент унификации общества, когда зрелищные образы констатируют наличную модель преобладающего в обществе образа жизни. Исследователи отмечают, что современный индивид, скорее, ведомый потребитель, чем критически мыслящий человек (главная же черта демократической личности именно критичность). Визуальность лишена диалога, критичности. Изображение можно только созерцать, а значит и только принимать. На него можно ругаться, но

⁴ Саптак В. Телевидение и мы. М., 1988. С.157.

⁵ Экранные искусства и литература: телевизионный этап. М., 2000. с.33.

⁶ Дебор Г.-Е. Указ. соч. С.136.

⁷ Там же. С.24-25.

оно становится частью нашего мира. «Признание и потребление товаров находятся в самом центре этого псевдоответа на безответное сообщение. Потребность в подражании, испытываемая потребителем, является теперь его инфантильной потребностью....»⁸.

Зрелищный дискурс породил нового человека, который (А. Демидов назвал его «дитём ТВ») импульсивен, не интересуется политикой, подвержен внешним впечатлениям, привык к жизни в массе, подсознательно мотивирует свои поступки⁹. Спектакль, сделавший человека более индивидуализированным («Я потребляю то, что хочу»), тем не менее превратил его в легко читаемый текст (теория показного поведения Т. Веблена). Предостережение Х. Арендт, заключающееся в том, что массовая коммуникация способна породить одинокого и дезориентированного человека, которого при желании очень легко мобилизовать, становится реальностью. Зрелищный дискурс массовой коммуникации формирует обыденное массовое сознание, обладающее всеми чертами мифологичности.

Как и миф, зрелищный дискурс объясняет нам сложности мира, предлагает парадигму действий, претендует на истинность, обладает всеми правами на реальность, способен реактуализировать прошлое. Такой дискурс превращает современного человека в человека архаики, который «не ищет объяснение окружающего... смешивает реальные предметы и представления о них, сновидения и реальность, человека и его изображение, человека и его тень, человека и его имя, причем опытная проверка не может его разубедить»¹⁰ (типичным примером тому могут стать современные компьютерные игры).

Реальнее созерцаемого ничего нет. Зрение становится главным инструментом познания мира, каковым в прошлом было осязание. Мир раскладывается на образы, образы становятся

⁸ Там же. С.113.

⁹ Демидов А. Идеология как инструмент политической кампании и власти // Власть. 1998. № 8-9. С.46.

¹⁰ Щербинина Н.Г. Политический миф России: Курс лекций. Томск, 1997. С.9.

ся реальными сущностями, а действительные мотивации человеческого поведения – гипнотическими.

Законы сопричастия, оборотничества, персонификации, символизации породили «вечную жизнь в кинематографе». Герои телемифа стали бессмертными. Спектакль играется не по законам логики, ему присущи элементы самореференции. Продуцируя вечное настоящее, он поддерживает нужный социальный порядок и является новой частью измерения (и изменения) реальности. Приобщение к культурному макрокосму происходит незаметно, через развлечение, добровольно. Это и приводит нас к вопросу о моделировании социополитических процессов, о котором писал Г. Лассуэл в начале века. В центре столь значимой для него теории политической семантики стоит незаметная пропаганда.

Неосязаемая власть спектакля превращается в моделирование социального контроля, определяет и конструирует процесс вхождения человека в мир культуры. Больше нет места, где бы обсуждение истин могло бы хоть на какой-то срок освободиться от давящего присутствия зрелищного дискурса.

Социальный контроль выражается в том что «ваши мысли и чувства предоставляются вам напрокат, уже готовые для восприятия. Конечный эффект таков. Возникает тип человека–слушателя, который сам не говорит, ибо ему нечего сказать. Но слушает и становится послушным»¹¹.

Состояние нашей культуры во многом зависит от содержания редакторских корзин. Об этом еще в середине века писал В. Саппак предсказавший, что, вероятно, «новая эра придет именно в Останкино»¹².

Спектакль становится автопортретом власти в эпоху ее тотального управления условиями существованиями. Хорошо это или плохо в малой степени зависит от того, что есть современное общество, но в очередной (и большей) степени от того, какие ценности у элиты этого общества. Но это уже вопрос для работы под другим названием.

¹¹ Телевидение и дети. М., 1976. С.52.

¹² Саппак В. Указ. соч. С. 166.